

Интерактивная страница

Рассказы, стихи Сергей Беляев

Саня

Ночь. Саня лежит в кровати — думы думает. Окончена школа, аттестат на руках (одна четверка и то по физике, а остальные тройки), работает неохота, значит, надо поступать в одно из высших учебных заведений нашей Родины. Но как? Вот в чем вопрос.

Луна-баскетболка лениво перелеталась через окно в комнату, заполнилась ее своим светом, окутала голову молодого повеса. Тут-то Саню и осенило: ну да, конечно, только в медицистит и непременно на санитарный факультет. Это же то, что надо! В его освещенной ринком светом комнате висела, настоящая чехарда мыслей, картинки рисовались одна лучше другой: белый халат, большой кожаный портфель, всегда согнут и увешан, открытые двери кабинетов директоров, мясо-масложобинатов — ведь тараканы, мухи да всякие вояды были, есть и будут. От всего этого сладко кружилась голова. Все. Решено. Поступаю.

И вот последние приготовления закончены, а у Сани всего шесть баллов — две тройки троечка. Сегодня решится все — нужна четверка. Повезло. Бол-рост достался удачный — прилетел и недовоедание птиц. Нет, не все, не все еще потеряно... И Саню понесло. «Птицы осознанно улетают на веселой оне с трепетом возвращаются на свою Родину, по которой грустится всю долгую зиму. Собака и птица — лучшие друзья человека. В марте даже праздник есть, так и называется — праздник птиц. В

деревне ребята веселятся, шайбу гоняют, а я с утра до вечера с сплютком — сплютком для пернатых друзей кончу. Прилетят птицы, устале от дальней дороги, а у меня для них уже домикки приготовлены. А что они по утрам и вечерам вытворяют? Они не только песни поют, от них еще польза большая — уничтожают вредителей лесов, полей и огородов. Люди, берите птиц!»

Старичок преподаватель довольно кивал своей головой, он вспомнил и свое трудное детство, и того веселого свирьца, которого сполна пригласил соседская куница. За то, что вопрос увязан с жизнью, за любовь к перелетным птицам и помощь им в Саньей зачетке появилась пятая четверка. Птицы к знаниям был открыт. Правды ради, наверное, стоит сказать, что ни одного свирьчонка за все свою жизнь Санька не смастерил — лень родилась раньше его, а о рогатке, пригодившейся для пернатых друзей, из-за тактических соображений он рассказать не решился.

Тея

Занятия закончились. Заглянув в книжки «Сократелети» и прихватив свою газету, я вышел из института. Вышел и застыл в изумлении — у входа, перемаясь с ноги на ногу, стоял отец родной. Бата, зловред, дорогой, откуда ты?

— Откуда, откуда? Из деревни на первом отпуске. А ты-то где бродил? Уже полтора часа, как я здесь на ступеньках вытанцовываю. Понять ничего не могу. Кого ни спрошу — никто тебя не знает. Засомневался даже — может, ты не учишься вовсе, а нам дома лапу на уши вывешиваешь?

Милый, добрый мой старик, тебе даже трудно представить, что здесь учатся десять тысяч человек и твоего Серушка-переворжурника знает человек тридцать. И то, что мы встретились, — это удачная случайность и награда Всевышнего за твои заботы, хлопоты, беспокойства.

— А что случилось, батя?
— Заучил меня старший лейтенант из военкомата: повести шлет, руками машет, кричит: что все равно тебе в армию устроишь. В общем, дожал он меня. Все ночь продумал, промучился, а утром,

деваться некуда, махнул к тебе. Ты уж прешь, разбирайся.
Он стоял, выновок прача дырявого варежку в карман своего пальто. Волна любви и нежности захлестнула меня. Я готов был прямо здесь, на ступеньках, кинуться к нему и расцеловать его, но почему-то из-за непонятной скромности (до сих пор не прошу себе этого) остался стоять на месте. Ай, да батя! Ай, да молодец! Чтобы оправдать сына от неприятности, переводчик старик проделал неблизкий путь до города, не растерялся в нем, нашел институт и терпеливо, с непоколебимой уверенностью ждал своего Серука. И дождался, а иначе и быть не могло.

Прости, отец, и прими извинения и за того старлея из военкомата, возмущающего себя вершительным судьей человеческих. Даст бог, научится разговаривать и уважать настоящих мужиков, таких, как ты, воинов-победителей, оставших свои скромные подлиси на стенах Рейхстага.

— Поддем, папа, пообедаем, отдохнем, переночуем.
— Ты что, сынок? Нет, я назад, в деревню. Чай, там мать одна, хозяйство. И так я в вас тут в городе загостился. Домой надо, домой.

Я безумно люблю...

Я безумно люблю этот край,
Дорог пруд с наклонившейся иевою,
И влюблен я в овиш и в сарай,
В наш овраг, заросший крапивою.

Здесь, на родине, красится мир
Даже запах навоза и прели,
И ручей, что струится во тьме,
И в ночи соловьиные трели.

Я дрожу, и взволнован, я рад,
Что сюда возвратился с поединком,
Слышится, брат? Я вернулся, брат!
Хоть дорога была и длинною.

Все любя, успокоюсь я тут,
И душой отдохну я смиренно,
И, свободный от жизненных пуг,
Заживу я спокойно и верно.

Ничего мне не надо теперь,
Кроме ласки, тепла и покоя,
Одного лишь, хочу я, поверь,
Чтобы не было зла и горя.

Чьи вы?

Мы давно уж разлетелись
из родимых мест,
Это больно, но не будем
сметать жарный крест.

И не надо плакать, слава Богу, живы,
Чибис у дорожки вопрошает: «Чьи вы?»

Мы нижегородцы,
с Васильевской волости,
Прямо держим голову
и живем по совести.

Из села из Суцково,
что в версте от Волги,
Там, где родич зимние и темные, и дожди.

О славой о Родине, о селе, о Суцково
Вспоминать и грустить,
как о самом близком.

Остаются в сердце наши
заветы и радости,
Хорошо бы сохранить нам любовь
до старости.

Дождик

Я не знаю, что случилось,
Дождик льет десятый день,
Небо что ли прохудилось?
Тучи взяли отпуск в плен?

Дождь без устали трудится,
Сколько силы в нем!
Если он не прекратится,
Все мы поплывем.

Но беременные тучи,
Разрывают войцедю,
Уплывают с неба кручи,
Прикрывая лица.

И прорвется солнце лихо
На небесный трон,
И лучи зажгутся тихо
С четырех сторон.

Любя зрешные все,
Каждый крест своей несет
И надеясь во сне,
— Может быть, поведет.

Вот и счастье, и успех,
Не бывает он, ах,
Так порадуешься вы
За соседский успех.

Улыбнется формула
Вам немного позней,
Без особаго шума
В чередь серых дней.

Будет макать Всевышний
Дни и ночи менять,
Нам же многое в жизни
Еще надо понять.

Жить в любви и согласье,
Зло на всех не тая,
Вот где общее счастье,
Вот где правда моя.

Но над нами довлеет,
Что положено знать,
Каждый право имеет
На земле умирать.

Раздумье

Обежалшало село, измозлилось,
Род старинный — основа всех лет,
Я не знаю, как так получилось,
Но божишьких в селе больше нет.

Послела с этой русской фамилией
Проживало, трудилось, росло,
Они думали, не силится ей,
Что такое случится мило.

Я гурю «Беломору» Улицково,
По намчаю едую пью влопыхаю,
Секса родного любимого Суцково,
Обязались теперь в примаках.

И ройных, что в земле покоятся,
Кто злы и кто злы, не помолится?
Кто поправит мысли Бурор?
Кто злы и кто злы, не помолится?

«Чтобы зло до конца своей исплатили,
Я отправился ко Спасу скорый,
Об одном надо сейчас помнить,
Кто ты, чей и каких кровей.

Валентин Лукин

Трада Начало любви

Я иду по полевой дорожке,
Уповаю зя золотистой ржи.
Холодит земля босые нога,
Васильки синетом у межи.

Над полями с порешившим хлебом
Валчувао, будто из былин,
Облава по голубому небу
Проплываю, выстраиваю в клин.

И простору полевому рабо,
Песню сердце заповет бес слов.
И трада, тихая трада
Наполняет душу до краев.

Отпознеловое лето конец
Или осени тихой начало?
В пылевой стале окрышил тенец,
А вечер еще будно начало
Желтороты в уютном гнезде,
Спитом в ветках разлазливый ели...
Листья жалты в черной воде —
Это бабье лето недела,
Это зрелый, раздумчивый эждох
О прошедшем оклопий счастье...
Незлюбивой зимы дай-то Бог.
Да и осени — чтобы без ненастья.

Поляну и на тень на стену,
На извыи песчаных дорожек,
И приплотили яственно мне
Твое платище в белый горошек.

Эти дни — хоть зови, не зови —
А они, словно дым, улетели.
Это было начало любви,
Наши души тепели и пели.

Терпкой зоречью пахнет теплым,
На стене от шиповника тени...
Ах, какая стояла терпелин!
И дурманчивый запах сырны...

Эти дни проплывают как во сне,
Сколько их было — летящих хороших.
Вспоминается яственно мне
Твое платище в белый горошек.

Дрожит звезда

Отражена, дрожит в затоне
Зари вечерней желтизна.
Дрожит звезда в небосклоне
Пока еще совсем она.

Дрожит в воздухе, прохладный,
Закат золотой нитью шит.
И оттого, что все так ладно,
Душа трепещет и дрожит.